

ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

2020 г. К. Л. Чайка

Суд Евразийского экономического союза, Республика Беларусь, г. Минск

E-mail: chayka@courteurasian.org

Поступила в редакцию 26.06.2020 г.

Аннотация. Исполнение решений международного суда представляет собой неотъемлемую часть процесса судопроизводства и свидетельствует об эффективности международного судебного органа. Многообразие международных судебных учреждений, присущие им институциональные особенности обуславливают существование различных моделей приведения в действие их решений. Автор, исходя из объективных различий в деятельности классических международных судов, к числу которых в целях исследования предлагается относить также региональные суды по правам человека, и судебных органов интеграционных объединений, анализирует сложившиеся модели исполнения судебных актов, особое внимание уделяя практике Суда Евразийского экономического союза. Применительно к данному судебному органу формулируется вывод, что, несмотря на наметившуюся тенденцию конституционализации его судопроизводства, существенной чертой которой является исполнимость судебных актов, практика демонстрирует наличие проблем, связанных с приведением в действие решений Суда ЕАЭС. Причины данного явления анализируются в аспекте норм права Евразийского экономического союза, предоставляющих право выбора формы и способа исполнения решения сторонам спора и устанавливающих, что принятие решения о приведении в исполнение судебного акта возлагается на Высший Евразийский экономический совет как высший орган Союза. Основываясь на практике Суда Евразийского экономического союза, с целью повышения эффективности процесса исполнения его решений предлагается внести изменения в законодательство Союза, заключающиеся в наделении Суда полномочием по аннулированию решений Евразийской экономической комиссии, признанных противоречащими Договору о Евразийском экономическом союзе и иным международным договорам в рамках Союза, по регламентации процедуры рассмотрения Судом ходатайств о приведении решений в исполнение. Особое внимание автор уделяет необходимости изменения подхода Суда к оценке полноты и добросовестности исполнения его решений.

Ключевые слова: Суд ЕАЭС, Международный Суд ООН, Суд ЕС, ЕСПЧ, исполнение решений, добросовестное сотрудничество, право на доступ к суду, судопроизводство, правосудие.

Цитирование: Чайка К.Л. Исполнение решений Суда Евразийского экономического союза как условие эффективности судопроизводства // Государство и право. 2020. № 9. С. 92–101.

DOI: 10.31857/S102694520011320-3

EXECUTION OF DECISIONS OF THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION AS A CONDITION FOR THE EFFECTIVENESS OF LEGAL PROCEEDINGS

© 2020 К. Л. Чайка

Court of the Eurasian Economic Union, Republic of Belarus, Minsk

E-mail: chayka@courteurasian.org

Received 26.06.2020

Abstract. The enforcement of decisions of the international court of justice is an integral part of the judicial process and demonstrates the effectiveness of the international judicial body. The diversity of international judicial institutions and their inherent institutional features determine the existence of different models for the enforcement of their decisions. The author, based on objective differences in the activities of classical international courts, including regional human rights courts and judicial bodies of integration associations, analyzes the existing models of execution of judicial acts, paying special attention to the practice of the Court of the Eurasian Economic Union. In relation to this judicial body, the conclusion is formulated that, despite the emerging trend of constitutionalization of its judicial proceedings, the essential feature of which is the enforceability of judicial acts, practice demonstrates the existence of problems related to the enforcement of decisions of the EAEU Court. The causes of this phenomenon are analyzed in the aspect of the law of the Eurasian Economic Union, granting the right to choose the form and method of execution of the decision of the parties to the dispute and stating that the decision on the enforcement of a judicial act is vested in the Supreme Eurasian Economic Council as the highest body of the Union. Based on the practice of the Court of the Eurasian Economic Union, in order to improve the effectiveness of the process of execution of its decisions, it is proposed to amend the legislation of the Union, which consists in giving the Court the power to annul decisions of the Eurasian Economic Commission recognized as contrary to the Treaty on the Eurasian Economic Union and international agreements within the Union, to regulate the procedure for consideration by the Court of requests for enforcement of decisions. The author pays special attention to the need to change the Court's approach to assessing the completeness and integrity of the execution of its decisions.

Key words: the EAEU Court, the International Court of justice, the EU Court, the ECHR, enforcement of decisions, fair cooperation, the right to access to court, judicial proceedings, justice.

For citation: *Chayka, K.L. (2020). Execution of decisions of the Court of the Eurasian Economic Union as a condition for the effectiveness of legal proceedings // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 92–101.*

Исполнение решений международных судов имеет принципиальное значение для оценки роли, которую международное право играет в современном мире, переходя из практической плоскости в сферу философского осмысления взаимоотношения права и политики на современном этапе развития межгосударственных отношений и процессов, присущих эволюции интеграционных объединений¹.

Многообразие международных судебных органов, несовпадающий статус принимаемых ими решений с точки зрения обязательности и разные механизмы приведения в действие служат причиной различий в полноте исполнения судебных актов. Следует согласиться с высказанным в доктрине мнением, согласно которому специфика исполнения решений международных судов состоит в том, что они действуют в совершенно других условиях, нежели национальные суды, прежде всего в связи с отсутствием на международно-правовом уровне аппарата принуждения².

Представляется, что ввиду многообразия международных судов анализ исполнимости следует проводить исходя из объективных различий, существующих между классическими международными судами, в число которых целесообразно включить

региональные суды по правам человека³, и судами интеграционных объединений⁴. Последние, по нашему мнению, представляют собой самостоятельный феномен, отличительными чертами которого являются реализация полномочий по вопросам, переданным государствами-членами на наднациональный уровень, участие в судопроизводстве частных лиц, а также тенденция конституционализации правосудия⁵, выражающаяся в наличии собственной правовой и институциональной систем, обязательности судебного разрешения споров, приоритета, прямого действия и непосредственного применения права интеграционного объединения⁶. Одна из ключевых черт конституционализации судопроизводства, неразрывно связанная с названной обязательностью судебного способа разрешения споров, — исполнимость их решений⁷.

Полагаем, что применительно к деятельности Суда Евразийского экономического союза

¹ Подробнее о философско-правовой и юридической парадигмах на различных этапах цивилизационного развития см.: *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 12–155.

² См.: *Исполинов А.С.* Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС): дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2018. С. 206.

³ О классификации судов см.: *Чайка К.Л.* Суд интеграционного объединения как международный судебный орган // *Труды ИГП РАН.* Т. 14. 2019. № 3. С. 151–155.

⁴ О классификации международных судов см.: *Шинкаревич Г.Г.* «Классические» международные суды: роль в поддержании правопорядка // *Международное право и международные организации.* 2014. № 3. С. 452–457.

⁵ См.: там же. С. 157–159.

⁶ См.: *Чайка К.Л.* Конституционализация как тенденция развития интеграционных объединений // *Труды ИГП РАН.* Т. 14. 2019. № 5. С. 152, 153.

⁷ См.: *Хабриева Т.Я., Лазарев В.В., Габов А.В.* Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М., 2017.

(далее — Суд, Суд ЕАЭС, Суд Союза) наметилась тенденция конституционализации и ее исследование требует осмысления ситуаций об исполнимости судебных решений. На практике возникают случаи постановки перед Судом частными лицами, выигравшими дела против Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК, Комиссия) об оспаривании ее бездействия или решения, вопросов об исполнении соответствующих судебных актов.

Несмотря на то что полномочия Суда по разрешению споров включают рассмотрение дел по заявлениям как государств-членов друг к другу о неисполнении обязательств из права Евразийского экономического союза и к Комиссии о несоответствии ее решений, действий (бездействия) праву ЕАЭС, так и хозяйствующих субъектов об оспаривании решений, действий (бездействия) ЕЭК (п. 39 Статута), в рамках данной статьи, опираясь на имеющиеся в практике Суда подходы, представляется целесообразным исследовать механизм исполнения решений Суда Комиссией.

Исполнение решений Суда ЕАЭС во исполнение принципа добросовестного сотрудничества

С проблемой исполнения решений Суда Союза неразрывно связана обсуждаемая в доктрине с момента принятия Статута (Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС) такая особенность его компетенции, как отсутствие возможности собственным решением исключить из правовой системы Союза акт Комиссии, признанный не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза. Так, в силу п. 111 Статута решение Комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводится Комиссией в соответствие с правом Союза, если иной срок не установлен в решении Суда. Что касается решения Суда, вынесенного по результатам оспаривания действия (бездействия) Комиссии, то оно также подлежит исполнению не позднее 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда или иного оговоренного им срока. При этом п. 103 Статута предусматривает, что стороны спора без ущерба положениям п. 111–113 Статута самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда.

Буквальное толкование названных правовых норм позволяет предположить, что Комиссия наделена максимально широкой дискрецией по исполнению решений Суда. Вместе с тем телеологическое толкование процитированных положений права Союза, учет принципов функционирования интеграционного объединения, зафиксированных в ст. 3 Договора, дает основания для принципиально иного вывода.

Контекстное толкование ч. 2 ст. 3 и п. 3 ст. 8 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор, Договор о Союзе) свидетельствует, что к числу принципов, на основе которых действуют органы Союза, относится добросовестное сотрудничество между ними. В практике Суда ЕАЭС данный принцип нашел отражение в консультативном заключении по делу о применимости *non bis in idem*⁸ в виде обязанности добросовестного исполнения положения права Союза.

Принцип добросовестного сотрудничества заимствован ЕАЭС из права Европейского Союза (далее — ЕС), где он получил закрепление в учредительных договорах и рассматривается Судом ЕС в качестве одного из общих принципов права Союза (ст. 4 (3) Договора о ЕС и Суд ЕС)⁹. В теории отмечается, что данный принцип гарантирует согласованность действий путем закрепления взаимной обязанности уважать позиции друг друга, оказывать содействие в реализации задач, координировать свои действия и не предпринимать действий, которые могли бы свести на нет или поставить под угрозу реализацию принятых решений. Принцип добросовестного сотрудничества действует как горизонтально, т.е. между различными государствами-членами или различными институтами ЕС, так и вертикально между государствами-членами и Европейским Союзом, охватывает действия всех органов публичной власти, подчинённых правопорядку ЕС, и распространяется на все сферы, которые относятся к компетенции ЕС¹⁰. Высказано суждение о том, что источником вдохновения для Суда ЕС при формулировании принципа добросовестного сотрудничества могли послужить как известные международному праву принципы добросовестности (*bona fide*) и *pacta sunt servanda*, так и присущий немецкому конституционному праву принцип верности Германской Федерации¹¹.

Представляется, что одной из форм реализации принципа добросовестного сотрудничества в праве ЕАЭС служит надлежащее исполнение Комиссией решения Суда, которое с учетом отмеченного в доктрине различия между действиями добросовестного

⁸ См.: Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 18.06.2019 г. по делу о применении принципа *non bis in idem* в сфере права конкуренции (дело № CE-2-1/2-19).

⁹ См.: Решение по делу C-518/11, *UPC Nederland BV v Gemeente Hilversum*, EU: C:2013:709. P. 59.

¹⁰ См.: *Lanceiro R.* The implementation of EU law by national administrations: Executive federalism and the principle of sincere cooperation // *Perspectives on Federalism*. Vol. 10. Issue 1 (2018). P. E73.

¹¹ См.: *Клёмин А.В.* Европейское право и Германия: баланс нац. и наднац. Европ. Сообщество, Германия, право: нац. консерватизм, коллизии и единство. Казань, 2004. С. 527.

и формально-юридического характера¹² возлагает на ЕЭК обязанность устранить выявленное Судом противоречие в ее решении, действии или бездействии и тем самым обеспечить соблюдение права Союза. Применительно к признанию решений ЕЭК не соответствующими Договору и иным международным договорам в рамках Союза добросовестное исполнение следует рассматривать как обязанность Комиссии исключить из правовой системы Союза ее акт или его отдельные положения, в отношении которых Суд установил их противоречие праву ЕАЭС. Учитывая, что п. 100 Статута закрепляет обязательность, а ст. 83 Регламента¹³ окончательность в качестве основных свойств вступившего в силу решения Суда, любые попытки ЕЭК преодолеть судебное решение посредством введения регулирования, аналогичного тому, что Суд признал не соответствующим праву ЕАЭС, следует рассматривать как нарушающие принцип добросовестного сотрудничества между органами Союза. Аналогичная позиция изложена автором данной статьи в особом мнении к постановлению Коллегии Суда от 2 июня 2020 г. об отказе в удовлетворении ходатайства ООО «Шиптрейд» о принятии мер по исполнению решения Суда от 18 июня 2019 г.¹⁴

При рассмотрении указанного ходатайства Суд столкнулся с ситуацией, при которой ему надлежало провести грань между формальным и добросовестным исполнением судебного акта. В 2019 г. ООО «Шиптрейд» инициировало дело об оспаривании решения ЕЭК от 31 января 2018 г. № 15 (далее — Решение ЕЭК № 15) о классификации отдельного вида товара и выиграло его в Коллегии и Апелляционной палате¹⁵. Суд, признавая решение Комиссии не соответствующим Договору и иным международным договорам в рамках Союза, аргументировал свою позицию двумя доводами. Первый из них заключался в неверном определении ЕЭК функционального назначения товара, в зависимости от которого поставлена классификация в определенной товарной субпозиции Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Союза. Второй довод являлся факультативным и выражался в установлении Судом правовой неопределенности

в описании назначения классифицируемого вида товара, сформулированного применительно к иному виду товара.

Комиссия вопреки требованиям о добросовестном исполнении не отменила оспоренное решение, а внесла в него изменения, изложив в новой редакции решения от 28 января 2020 г. № 20 (далее — Решение ЕЭК № 20) таким образом, который свидетельствует о частичном учете судебного решения — в части вывода о правовой неопределенности. Представляется, что подобные действия ЕЭК могут рассматриваться как попытка преодоления вступившего в силу решения Суда. Недопущению подобных ситуаций может способствовать как внесение изменений в право Союза, так и эффективное использование механизма исполнения решений Суда.

Применительно к внесению изменений в законодательство ЕАЭС отметим допустимость включения в Статут нормы, прямо запрещающей Комиссии преодолевать решение Суда о признании ее решения не соответствующим Договору и иным международным договорам в рамках ЕАЭС повторным принятием аналогичного акта. В настоящее время подобное правовое регулирование содержится в законодательстве государств-членов, в т.ч. в ч. 3 ст. 216 Кодекса административного судопроизводства РФ¹⁶.

В данном аспекте следует отметить, что принятие Комиссией решения, содержащего то же правовое регулирование, что включалось в акт, признанный Судом не соответствующим законодательству ЕАЭС, допустимо лишь в одном случае — если причины его противоречия заключались в процессуальных нарушениях. Примером подобной ситуации является правило п. 276 Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим государствам (Приложение № 8 к Договору о ЕАЭС), согласно которому решение Комиссии о введении специальных защитных, антидемпинговых или компенсационных мер, «признанное Судом Союза не соответствующим Договору... приводится Комиссией в соответствие с Договором... путём проведения по инициативе органа, проводящего расследования, повторного расследования, в части, необходимой для исполнения решения Суда Союза»¹⁷. Уяснение данной правовой нормы означает, что в случае если по результатам повторного расследования, проводимого после отмены в связи с процедурными нарушениями решения ЕЭК о применении мер защиты внутреннего рынка, Комиссия придет к выводу о необходимости

¹² См.: Каламкьян Р.А. Принцип добросовестности в современном международном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 4.

¹³ См.: Регламент Суда Союза утвержден решением Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 г. № 101.

¹⁴ См.: Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи К.Л. Чайки к постановлению Коллегии Суда от 02.06.2020 г. об отказе в удовлетворении ходатайства ООО «Шиптрейд» о принятии мер по исполнению решения Суда от 18.06.2019 г. (дело № СЕ-1-2/1-19).

¹⁵ См.: Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 18.06.2019 г. и Апелляционной палаты от 31.10.2019 г. по делу по заявлению ООО «Шиптрейд» (дело № СЕ-2-1/2-19).

¹⁶ См.: СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1391.

¹⁷ Дьяченко Е., Энтин К. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность // Международное правосудие. 2017. № 3 (23). С. 83.

введения аналогичной меры, подобные действия не будут рассматриваться в качестве направленных на преодоление решения Суда.

Одновременно представляется, что и действующее законодательство содержит достаточно механизмов, направленных на недопущение уклонения ЕЭК от исполнения решения Суда.

Прежде всего следует обратить внимание на формулировку п. 103 Статута, согласно которой *стороны спора* определяют форму и способ исполнения решения Суда. Буквальное толкование данной правовой нормы означает, что дискреция Комиссии по выбору формы и способа исполнения решения Суда ограничена необходимостью учета позиции хозяйствующего субъекта, являвшегося истцом по соответствующему спору. В свою очередь, словосочетание «форма и способ исполнения решения Суда» включает признание таких решений утратившими силу и их изменение, а также характер соответствующих изменений. Учитывая, что п/п. 2 п. 108 Статута наделяет Коллегию Суда правом по результатам рассмотрения дела по заявлению хозяйствующего субъекта признать решение Комиссии не соответствующим праву Союза полностью или в части, представляется, что в случае признания Судом решения Комиссии не соответствующим Договору и иным международным договорам в рамках Союза в полном объеме, Комиссии с учетом позиции хозяйствующего субъекта, являющегося стороной спора, надлежит признать соответствующее решение утратившим силу. При признании Судом решения ЕЭК частично не соответствующим законодательству Союза на Комиссию возлагается обязанность внести изменения в указанное решение по согласованию со стороной спора.

Несмотря на то что порядок учета мнения истца не урегулирован законодательством Союза, ничто не препятствует регламентировать данный вопрос во внутренних актах Комиссии.

Как указано в особом мнении автора данной статьи к упомянутому постановлению по заявлению ООО «Шиптрейд», гарантией соблюдения прав хозяйствующего субъекта, являвшегося истцом по спору о признании не соответствующим праву Союза решения Комиссии, служит норма п. 115 Статута, предоставляющая ему возможность обратиться в Суд с ходатайством о принятии мер по исполнению решения Суда¹⁸. В развитие данной мысли отметим, что норма п. 115 Статута также может рассматриваться как гарантия учета позиции истца по

спору в процессе приведения ЕЭК своего решения в соответствие с правом ЕАЭС.

Роль Высшего Евразийского экономического совета и Суда в обеспечении исполнения судебных решений

Анализ механизма исполнения судебных решений свидетельствует, что ключевую роль в его реализации играет Высший Евразийский экономический совет как высший орган Союза, состоящий из глав государств-членов.

Пунктами 114 и 115 Статута право обращения в Высший совет с целью принятия необходимых мер, связанных с исполнением решения Суда, предоставлено как государствам-членам, так и хозяйствующим субъектам. При этом среди полномочий Высшего совета, перечисленных в п. 2 ст. 11 Договора, не поименовано принятие им решений в связи с неисполнением государствами-членами или Комиссией решений Суда. Безусловно, отсутствие соответствующей правовой нормы не является препятствием для осуществления Высшим советом действий, направленных на прекращение неисполнения решения Суда, поскольку они могут быть обоснованы п. 1 и п/п. 21 п. 2 ст. 11 Договора, в силу которых Высший совет принимает решения, направленные на реализацию целей Союза, и дает поручения Комиссии.

Уяснение положений п. 114 и 115 Статута позволяет сделать вывод о различном регулировании, посвященном действиям государств-членов и хозяйствующих субъектов при неисполнении решения Суда. Государства-члены обладают возможностью непосредственного обращения в Высший совет при неисполнении судебного решения без участия Суда в данном процессе. Хозяйствующим субъектам предоставлено право на обращение в Высший совет через Суд, который в течение 15 календарных дней с даты поступления ходатайства о неисполнении судебного решения обращается в Высший совет для принятия им решения по данному вопросу. Изложенное подтверждает, что процедура приведения решения в исполнение для хозяйствующего субъекта является двухступенчатой и включает обязательное участие Суда. Подобное правовое регулирование представляется оправданным, особенно в тех случаях, когда судебный акт исполнен частично или имеются основания для вывода о его формальном исполнении. В данной ситуации Суд как орган, вынесший решение, наделен всей полнотой понимания, насколько состоявшееся исполнение действительно направлено на устранение ненадлежащего регулирования из правовой системы Союза или насколько действия ЕЭК, имеющие своей целью восстановление прав и законных интересов лица, нарушенных ее неправомерным действием или бездействием, достигают заявленной цели.

Уяснение п. 114 и 115 Статута свидетельствует, что именно Высший совет является тем органом,

¹⁸ См.: Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи К.Л. Чайки к постановлению Коллегии Суда от 02.06.2020 г. об отказе в удовлетворении ходатайства ООО «Шиптрейд» о принятии мер по исполнению решения Суда от 18.06.2019 г. (дело № СЕ-1-2/1-19).

в полномочия которого входит приведение в исполнение решений Суда. Применительно к обращению государства-члена, которому посвящен п. 114 Статута, данный вывод не вызывает сомнений. Что касается ходатайства хозяйствующего субъекта, то из буквального толкования ч. 2 п. 115 Статута следует, что Суд не наделен дискрецией по вопросу об обращении в Высший совет, на него возложена обязанность осуществить соответствующее обращение. Подобное толкование правовой нормы не исключает реализацию Судом его функции по оценке факта исполнения решения и его добросовестности. Данный вывод основан как на грамматическом, так и на телеологическом толковании п. 115 Статута. Использование в данной правовой норме понятия «ходатайство», которое согласно его обычному значению рассматривается как обращение лица, участвующего в деле, к суду и требует его разрешения в процессуальной форме, подразумевает формирование Судом Союза позиции по вопросу об исполнении или неисполнении его решения. В свою очередь, учет цели деятельности Суда, под которой в п. 2 Статута понимается обеспечение единообразного применения права Союза его органами, позволяет заключить, что реализация Судом данной задачи не исчерпывается вынесением судебного акта, которым завершается рассмотрение дела по существу, а также включает проверку единообразия применения законодательства ЕАЭС на этапе исполнения.

По результатам проведенного анализа полагаем, что представление в Суд ходатайства хозяйствующего субъекта о принятии мер по исполнению решения является основанием для принятия Судом постановления о препровождении данного ходатайства в Высший совет, включающего также позицию об оценке факта исполнения судебного акта и его добросовестности. При этом вывод Суда о состоявшемся исполнении его акта не исключает обязанность по направлению соответствующего ходатайства в Высший совет, поскольку именно данный орган наделен правом окончательной оценки исполнения решений Суда.

Представляется, что судебная оценка должна сопровождать приведение в исполнение решений, принятых не только по заявлению хозяйствующего субъекта, а также и государства-члена. В этой связи считаем целесообразным внесение в п. 114 Статута изменений, состоящих в требовании об обращении государства-члена через Суд в Высший совет с целью принятия мер для исполнения судебного решения¹⁹.

¹⁹ Об иных предложениях по внесению изменений в Статут и Регламент Суда с целью повышения эффективности судопроизводства см.: *Чайка К.Л., Савенков А.Н.* Проблемные вопросы в практике Суда Евразийского экономического союза // Государство и право. 2018. № 10. С. 5–22.

Рассмотрение Судом Союза ходатайства о принятии мер по исполнению судебного решения

Первым случаем обращения в Суд хозяйствующего субъекта в связи с неисполнением судебного решения стало ходатайство ООО «Ойл Марин Групп» о принятии мер по исполнению решения Суда от 11 октября 2018 г.²⁰, которым бездействие Комиссии, выразившееся в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза, признано не в полной мере соответствующим законодательству ЕАЭС.

Анализ Статута и Регламента свидетельствует, что правом Союза специально не урегулирована процедура разрешения Судом ходатайства хозяйствующего субъекта о неисполнении Комиссией решения Суда. Исходя из п. 39 и 46 Статута компетенция Суда ограничивается рассмотрением споров по вопросам реализации Договора, иных международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов ЕАЭС, а также предоставлением консультативных заключений о разъяснении законодательства Союза. Ходатайство хозяйствующего субъекта о неисполнении Комиссией решения Суда не является основанием для возбуждения самостоятельного (нового) дела о разрешении спора. Учитывая, что данное ходатайство неразрывно связано с ранее вынесенным решением, Судом при рассмотрении обращения ООО «Ойл Марин Групп»²¹ выработана позиция, согласно которой оно подлежит разрешению в рамках дела о рассмотрении спора, по результатам которого вынесено неисполненное решение. Рассмотрение ходатайства в соответствии с ч. 2 ст. 48 Регламента завершается вынесением постановления.

Что касается подхода к разрешению ходатайства ООО «Ойл Марин Групп» по существу, то постановлением от 12 июня 2019 г. Коллегия Суда отказала в его удовлетворении, указав, что общество «не привело доказательств того, что в настоящее время Комиссия не учитывает правовую позицию, изложенную в решении Суда от 11 октября 2018 года».

Уяснение вывода Суда свидетельствует, что им не только осуществлена проверка соответствия действий Комиссии положениям судебного акта, относительно которого лицо заявляет о его неисполнении, а также принята на себя функция разрешения вопроса о состоявшемся исполнении, которая в силу Статута возложена на Высший совет. Более того, Судом сформулировано требование

²⁰ См.: Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 11.10.2018 г. по делу ООО «Ойл Марин Групп» (дело № СЕ-1-2/4-18).

²¹ См.: Суд ЕАЭС. Постановление от 12.06.2019 г. об отказе в удовлетворении ходатайства ООО «Ойл Марин Групп» о принятии мер по исполнению решения Суда от 11.10.2018 г. (дело № СЕ-1-2/4-1).

о возложении на хозяйствующего субъекта бремени доказывания факта неисполнения решения, что не согласуется с законодательством Союза, которое связывает доказывание лишь с процессом разрешения спора. Между тем, как следует из п. 115 Статута, хозяйствующему субъекту при обращении с ходатайством о приведении решения в исполнение достаточно заявить о неисполнении, в то время как оценка полноты и добросовестности исполнения возложена на Суд, а принятие окончательного решения по данному вопросу — на Высший совет.

Подход Суда, изложенный в постановлении о разрешении ходатайства ООО «Ойл Марин Групп», получил развитие в постановлении от 2 июня 2020 г. по заявлению ООО «Шиптрейд». В указанном судебном акте Коллегия Суда, отказывая в удовлетворении ходатайства общества, ограничилась констатацией наличия в Решении ЕЭК № 20, которым внесены изменения в оспоренное Решение ЕЭК № 15, ссылки на положение п/п. 4 п. 4 ст. 22 Таможенного кодекса ЕАЭС²², устанавливающее, что признание Судом не соответствующим законодательству Союза решения о классификации отдельного вида товара влечет признание его утратившим силу или внесение в него изменений. Таким образом, по мнению Суда, формальное указание ЕЭК на норму, регламентирующую исполнение судебного решения, послужило достаточным основанием для признания подобного исполнения добросовестным. При этом, как следует из указанного постановления, Коллегия Суда вопреки п. 3 и 4 ст. 78, а также ч. 3 п. 2 ст. 84 Регламента не отразила в постановлении доводы ООО «Шиптрейд», которыми оно мотивировало заявленное ходатайство, и не сформулировала позицию, в связи с которой не представляется возможным согласиться с подходом общества.

Изложенное дает основания для вывода, что Суд в постановлении по ходатайству ООО «Шиптрейд» не только произвел фактическую подмену Высшего совета в части полномочий по приведению в исполнение решений Суда, но одновременно отказался от реализации собственной компетенции по оценке полноты и добросовестности исполнения.

Право хозяйствующих субъектов на исполнение решений Суда и пути совершенствования данного механизма

Проведенный анализ демонстрирует наличие проблем, связанных с исполнением решений Суда. В первую очередь механизм, сформулированный в п. 115 Статута, заведомо сложен для применения, поскольку включает в соответствующий процесс не только Суд как постоянно действующий орган Союза, но также и Высший совет, в полномочия

которого входит решение принципиальных вопросов деятельности Союза и который собирается в силу п. 1 ст. 11 Договора не реже одного раза в год.

Позиция, сложившаяся в практике Суда, свидетельствует, что он принял на себя функцию по проверке исполнения Комиссией судебных решений, к реализации которой, тем не менее, подошел весьма формально, не исследуя полноту и добросовестность устранения ЕЭК выявленных в ее решениях, действиях (бездействии) противоречий законодательству Союза. Для хозяйствующего субъекта, являющегося «слабой» стороной во взаимоотношениях с Комиссией, соответствующий подход приводит к невозможности восстановить свои права, нарушение которых произошло на этапе исполнения судебного акта. Данная ситуация обусловлена тем, что отказ в удовлетворении ходатайства о принятии мер по исполнению Суд формулирует в виде постановления, которое в силу п. 3 ст. 84 Регламента Суда является окончательным и обжалованию не подлежит. Невозможность обжалования постановлений Суда подтверждена апелляционной палатой Суда в деле «Ремдизель»²³.

Подобная ситуация является недопустимой.

В первую очередь применительно к механизму исполнения решений, закрепленному в п. 115 Статута, следует отметить, что он весьма схож с процедурой исполнения судебных актов, присущей Международному Суду ООН и Европейскому Суду по правам человека, а также порядку приведения в исполнение решений арбитража или результатов любого другого метода урегулирования конфликта в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии.

Пунктом 2 ст. 94 Устава ООН предусмотрено: в случае, если какая-либо сторона в деле не выполнит обязательства, возложенные на нее решением Суда, другая сторона может обратиться в Совет Безопасности. Следует согласиться с высказываемым в юридической науке мнением о низкой эффективности указанной нормы и о продолжающихся накапливаться случаях игнорирования государствами вынесенных против них решений Международного Суда ООН по существу спора²⁴.

Касаясь практики приведения в действие постановлений ЕСПЧ, отметим, что согласно ч. 1 ст. 46 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — ЕКПЧ) Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами. При этом вопросы исполнения

²² См.: СЗ РФ. 2017. № 47, ст. 6843.

²³ См.: Суд ЕАЭС. Постановление Апелляционной палаты Суда от 11.05.2016 г. по делу ООО «Производственное предприятие «Ремдизель»» (дело № СЕ-1-2/3-16).

²⁴ См.: Исполинов А. С. Указ. соч. С. 211–213.

решений ЕСПЧ контролирует Комитет Министров Совета Европы, имеющий возможность в соответствии со ст. 8 Устава Совета Европы прибегнуть к санкциям в виде лишения государства, грубо нарушающего свои обязательства по данному Уставу, права голоса при принятии решений, а также в виде исключения этого государства из Совета Европы. Как показывает практика, возможность применения таких мер обсуждалась лишь однажды — применительно к Турции после ее отказа исполнять принципиальное для ЕСПЧ постановление по делу *Loizidou v. Turkey*²⁵.

Правовое регулирование ситуации, при которой в АСЕАН одна из сторон отказывается исполнять решения, принятые в рамках механизма урегулирования споров, осуществляется на основании ст. 27 (2) Устава данной организации. В соответствии с указанной правовой нормой в случае несоблюдения решения арбитража или результата любого другого метода урегулирования конфликта потерпевшая сторона может направить дело на рассмотрение саммита АСЕАН²⁶.

Изложенное демонстрирует, что механизм исполнения решений Суда ЕАЭС, являющегося органом правосудия интеграционного объединения наднационального характера, сформулирован по модели, присущей межгосударственным судам, применение которой к тому же показывает ее низкую эффективность.

Обращение к опыту Европейского Союза как наиболее успешного наднационального образования, применительно к которому не вызывает сомнений вывод о состоявшейся конституционализации его правового порядка²⁷, свидетельствует о фактическом отсутствии проблем с исполнением решений Суда Комиссией ЕС. Во-первых, подобная ситуация обусловлена наличием у Суда ЕС полномочий в силу ст. 264 ДФЕС в рамках исков об аннулировании актов Комиссии признавать их ничтожными, что приводит к автоматическому исключению таких актов из правовой системы интеграционного объединения. Решение о недействительности акта органа ЕС действует уже с момента его вступления в силу (*ex tunc*), тем самым оспариваемый акт изначально

считается имеющим обратную силу и, следовательно, противоправным²⁸.

Эффективности исполнения решений Суда институтами Союза способствует также возможность для заявителей обратиться не только с иском об аннулировании в рамках ст. 263 ДФЕС, но и с иском о возмещении вреда в соответствии со ст. 340 ДФЕС. Следует также учитывать, что в силу принципа добросовестного сотрудничества ситуация неисполнения одним органом ЕС (Комиссией) обязательных решений другого органа (Суда) представляется невозможной. Очевидно, что Европейская комиссия, обладающая возможностью обращения в Суд в случае неисполнения государствами-членами своих обязательств в рамках Союза и весьма активно реализующая это право, заинтересована в исполнении решений Суда ЕС и стремится всячески избегать действий, которые могли бы поставить под угрозу обязательный характер судебных актов. В данном аспекте, комментируя взаимоотношения Европейской комиссии и Суда ЕС, также следует упомянуть, что во все периоды существования ЕС Комиссия рассматривала Суд как наиболее близкого и надежного союзника в развитии интеграционного проекта, что также не согласуется с игнорированием его решений или формальным подходом к их исполнению.

Возвращаясь к правовому регулированию в ЕАЭС, отметим, что преодоление проблемы с исполнением судебных решений возможно несколькими способами. В первую очередь целесообразным представляется внесение изменений в Статут, предоставляющих Суду самостоятельное полномочие по признанию решений Комиссии или их отдельных положений ничтожными. В случае сохранения действующего подхода, при котором выбор формы и способа исполнения решения осуществляется сторонами спора, на Суд возложена функция по проверке полноты и добросовестности исполнения, а Высшему совету принадлежит право окончательного решения вопроса о приведении судебного акта в исполнение, обоснованным является дополнение Регламента нормами, посвященными порядку разрешения Судом ходатайства о принятии мер по исполнению решения. Полагаем, что в Регламент необходимо включить положения, предусматривающие, что по результатам рассмотрения соответствующего ходатайства выносится постановление о направлении обращения о неисполнении решения Суда в Высший совет, содержащее выводы о полноте и добросовестности исполнения судебного акта.

²⁵ См.: там же. С. 220, 221.

²⁶ См.: Механизм разрешения споров в региональных интеграционных группировках на примере Европейского Союза, ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР, НАФТА и в ГАТТ/ВТО / Г.М. Вельяминов, Н.Н. Вознесенская [и др.]. М., 2018. С. 394, 395.

²⁷ См., напр.: *Klabbers J., Peters A., Ulfstein G.* The Constitutionalization of International Law. Oxford, 2011. P. 20–24; *The Constitutionalization of the European Union* / ed. by B. Rittberger, F. Schimmelfenning. London, 2007. P. 2, 3.

²⁸ См.: Механизм разрешения споров в региональных интеграционных группировках на примере Европейского Союза, ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР, НАФТА и в ГАТТ/ВТО / Г.М. Вельяминов, Н.Н. Вознесенская [и др.]. С. 137.

Третий вариант преодоления проблемных вопросов, обусловленных неэффективностью механизма исполнения, состоит в изменении позиции самого Суда при рассмотрении соответствующих ходатайств. Данный вариант представляется принципиально важным независимо от возможного изменения положений Статута и Регламента.

Подход, складывающийся ныне в практике Суда ЕАЭС, заслуживает критической оценки, в т.ч. по причине его несоответствия принципу защиты прав человека и основных свобод, который получил закрепление в консультативном заключении по *делу о пенсиях*²⁹. Исходя из положений международных договоров о правах человека и основных свобод (ст. 8 Всеобщей декларации прав и свобод, ст. 6 ЕКПЧ), а также конституций государств-членов³⁰, не вызывает сомнений тот факт, что право на суд входит в число основных прав человека. В упомянутом консультативном заключении по *делу о пенсиях* сформулирована позиция, согласно которой стандарт защиты прав и свобод, гарантированный Союзом, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах-членах (абз. 5 п. 3.1 разд. III «Выводы Суда»). Следует согласиться с высказанной позицией, что в силу участия Республики Армения и Российской Федерации в ЕКПЧ стандарт, закрепленный в данной Конвенции и получивший развитие в практике ЕСПЧ, следует считать тем наиболее высоким уровнем защиты прав и свобод в государствах-членах, ниже которого они не могут быть гарантированы в Союзе. Данный вывод подтверждает обращение к практике Конституционного Суда РФ, который в постановлениях от 5 февраля 2007 г. № 2-П³¹, от 26 февраля 2010 г. № 4-П³² указал, что ЕКПЧ и решения ЕСПЧ в той части, в которой ими дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, являются составной частью правовой системы Российской Федерации.

В постановлении по *делу «Гальоне и другие против Италии»* ЕСПЧ пришел к выводу, что исполнение решения представляет собой составную часть [судебного] разбирательства в значении ст. 6 Конвенции, а право на доступ к суду, гарантированное п. 1 ст. 6 ЕКПЧ, включает в себя право на исполнение окончательного и обязательного судебного решения Суда³³.

При таких обстоятельствах не исключено, что формальный подход Суда Союза к оценке добросовестного исполнения Комиссией решений, принятых по заявлению хозяйствующего субъекта, способен стать причиной обращения частных лиц в ЕСПЧ против Республики Армения или Российской Федерации³⁴.

Другим проблемным вопросом, вызванным формальным подходом Комиссии к исполнению судебных решений и отсутствием со стороны Суда должного контроля за данным процессом, может стать ситуация, при которой хозяйствующий субъект для восстановления своих прав будет вынужден обжаловать каждое последующее решение ЕЭК о внесении изменений в то решение, которое Суд признал не соответствующим законодательству Союза, что также нарушает принцип эффективной судебной защиты. Как указал ЕСПЧ в уже упомянутом постановлении по *делу «Гальоне и другие против Италии»*, «требование о повторном обращении приведёт к тому, что заявители окажутся запертыми в порочном круге, где ненадлежащее функционирование одного средства правовой защиты вынуждает их начать новую процедуру».

По нашему мнению, изложенное подтверждает необходимость изменения подхода к судебной оценке добросовестности и полноты исполнения Комиссией решений Суда Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяченко Е., Энтин К. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность // Международное правосудие. 2017. № 3 (23). С. 83.
2. Исполинов А.С. Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС): дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2018. С. 206, 211–213, 220, 221.
3. Каламкарян Р.А. Принцип добросовестности в современном международном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 4.
4. Клёмин А.В. Европейское право и Германия: баланс нац. и наднац. Европ. Сообщество, Германия, право: нац. консерватизм, коллизии и единство. Казань, 2004. С. 527.
5. Механизм разрешения споров в региональных интеграционных группировках на примере Европейского Союза, ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР, НАФТА

²⁹ См.: Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 20.12.2018 г. по делу о пенсиях (дело № СЕ-2-2/7-18-БК).

³⁰ См.: ст. 61 Конституции Республики Армения, ст. 60 Конституции Республики Беларусь, п. 2 ст. 13 Конституции Республики Казахстан, п. 1 ст. 40 Конституции Кыргызской Республики, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ.

³¹ См.: СЗ РФ. 2007. № 7, ст. 932.

³² См.: СЗ РФ. 2010. № 11, ст. 1255.

³³ См.: ЕСПЧ. Постановление от 21.12.2010 г. по делу «Гальоне и другие против Италии» (жалоба № 45867/07).

³⁴ Подробнее о праве частных лиц инициировать в ЕСПЧ процессы против государств — членов ЕАЭС за нарушение Конвенции в деятельности органов Союза см.: Чайка К.Л. Соотношение прав человека и основных свобод и экономической интеграции // Интеграционные процессы в Европе и Евразии: роль Конвенций Совета Европы. М., 2017. С. 241.

- и в ГАТТ/ВТО / Г.М. Вельяминов, Н.Н. Вознесенская [и др.]. М., 2018. С. 137, 394, 395.
6. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 12–155.
 7. *Хабриева Т.Я., Лазарев В.В., Габов А.В.* Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М., 2017.
 8. *Чайка К.Л.* Конституционализация как тенденция развития интеграционных объединений // Труды ИГП РАН. Т. 14. 2019. № 5. С. 152, 153.
 9. *Чайка К.Л.* Соотношение прав человека и основных свобод и экономической интеграции // Интеграционные процессы в Европе и Евразии: роль Конвенций Совета Европы. М., 2017. С. 241.
 10. *Чайка К.Л.* Суд интеграционного объединения как международный судебный орган // Труды ИГП РАН. Т. 14. 2019. № 3. С. 151–155.
 11. *Чайка К.Л., Савенков А.Н.* Проблемные вопросы в практике Суда Евразийского экономического союза // Государство и право. 2018. № 10. С. 5–22.
 12. *Шинкаревая Г.Г.* «Классические» международные суды: роль в поддержании правопорядка // Международное право и международные организации. 2014. № 3. С. 157–159, 452–457.
 13. *Klabbers J., Peters A., Ulfstein G.* The Constitutionalization of International Law. Oxford, 2011. P. 20–24; The Constitutionalization of the European Union / ed. by B. Rittberger, F. Schimmelfenning. London, 2007. P. 2, 3.
 14. *Lanceiro R.* The implementation of EU law by national administrations: Executive federalism and the principle of sincere cooperation // Perspectives on Federalism. Vol. 10. Issue 1 (2018). P. E73.
 3. *Kalamkarian R.A.* The principle of good faith in modern international law: abstract ... Doctor of Law. M., 1991. P. 4 (in Russ.).
 4. *Klemin A.V.* European law and Germany: national balance and supranational European. Community, Germany, law: national conservatism, conflicts and unity. Kazan, 2004. P. 527 (in Russ.).
 5. Mechanism of dispute resolution in regional integration groupings on the example of the European Union, EAEU, ASEAN, MERCOSUR, NAFTA and GATT / WTO / G.M. Velyaminov, N.N. Voznesenskaya [et al.]. M., 2018. P. 137, 394, 395 (in Russ.).
 6. *Savenkov A.N.* State and law during the crisis of modern civilization. M., 2020. P. 12–155 (in Russ.).
 7. *Khabrieva T. Ya., Lazarev V.V., Gabov A.V.* Judicial practice in the modern legal system of Russia / ed. by T. Ya. Khabrieva, V.V. Lazarev. M., 2017 (in Russ.).
 8. *Chayka K.L.* Constitutionalization as a trend of development of integration associations. // Proceedings of the ISL of the RAS. Vol. 14. 2019. No. 5. P. 152, 153 (in Russ.).
 9. *Chayka K.L.* Correlation of human rights and fundamental freedoms and economic integration // Integration processes in Europe and Eurasia: the role of Council of Europe Conventions. M., 2017. P. 241 (in Russ.).
 10. *Chayka K.L.* The Court of integration Association as an international judicial body // Proceedings of the ISL of the RAS. Vol. 14. 2019. No. 3. P. 151–155 (in Russ.).
 11. *Chayka K.L., Savenkov A.N.* Problematic issues in the practice of the Court of the Eurasian Economic Union // State and Law. 2018. No. 10. P. 5–22 (in Russ.).
 12. *Shinkaretskaya G.G.* “Classical” international courts: role in maintaining law and order // International Law and international organizations. 2014. No. 3. P. 157–159, 452–457 (in Russ.).
 13. *Klabbers J., Peters A., Ulfstein G.* The Constitutionalization of International Law. Oxford, 2011. P. 20–24; The Constitutionalization of the European Union / ed. by B. Rittberger, F. Schimmelfenning. London, 2007. P. 2, 3.
 14. *Lanceiro R.* The implementation of EU law by national administrations: Executive federalism and the principle of sincere cooperation // Perspectives on Federalism. Vol. 10. Issue 1 (2018). P. E73.

REFERENCES

Сведения об авторе

ЧАЙКА Константин Леонтьевич — кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, судья Суда Евразийского экономического союза; 220006 Республика Беларусь, г. Минск, ул. Кирова, д. 5

Authors' information

CHAYKA Konstantin L. — PhD in Law, lawyer of the Russian Federation, Judge of the EAEU Court; 5 Kirov str., 220006 Minsk, Republic of Belarus